

A romantic couple with large, dark, feathered wings embracing in a teal, ethereal setting. The woman is wearing a white lace dress and a headband with white flowers. The man is wearing a black suit. The background is filled with falling pink petals and roses.

Яна Белецкая

СЫН ЗАРИ

18+

Яна Белецкая

Сын Зари

<https://litres.ru/74066063>

SelfPub; 2026

Аннотация

Какова цена любви, если твой избранник — Король Ада?

Рината — обычная медсестра кардиологии, привыкшая бороться за чужие жизни. Но ее собственная реальность кажется пустой и серой, пока подруга ради забавы не приносит на девичник колоду Таро. Один невинный расклад — и привычный мир ломается навсегда. Из карт на нее смотрит один и тот же ослепительный мужчина со взглядом цвета арктического льда. Пятнадцатый аркан. Дьявол.

Встреча в больничной столовой с загадочным Хейлелем, обжигающий поцелуй в праздничную ночь и клиническая смерть, утащившая Ринату в бездну зазеркалья. Оказывается, Ад — это четко работающая система, которой правит самый прекрасный и одинокий херувим Вселенной. Люцифер возвращает ее на Землю, чтобы защитить, но Рината больше не может жить прежней жизнью. Она сбегает на Алтай, где ее дневник становится мостом между мирами. Они заключат контракт на крови и сыграют свадьбу в мире сновидений, но сможет ли она выдержать земное одиночество ради вечности со светоносным?

Содержание

Глава 1. Окна на морг	4
Глава 2. Суженый из колоды	13
Глава 3. Сын Зари	23
Глава 4. Стекланный шар и старые тени	33
Глава 5. Поцелуй Сына Зари	37
Глава 6. Имя из бездны	45
Глава 7. Зазеркалье	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сын Зари

Глава 1. Окна на морг

Меня зовут Рината, для близких просто Ри или Рина. В свои двадцать семь я живу скучную, самую простую жизнь. После колледжа у меня не вышло поступить в медицинский институт, хотя я всегда мечтала стать патологоанатомом. Странно для хрупкой девушки? Возможно. Но эта мечта так и осталась несбыточной, и я, отучившись на медсестру, устроилась в крупный больничный комплекс нашего города. Считаю, мне крупно повезло: я работаю в отделении кардиологии, часто дежурю сутками.

Медицина — это адский труд. Иногда кажется, что вся моя жизнь и есть это отделение, но я даже рада. Своей семьи у меня нет. Замужем была, но это дело оказалось «без заявки на успех», и развод не заставил себя ждать. Я забываюсь на работе, будто и мира другого не существует за пределами этих больничных стен. Кстати, ирония жизни: окна моего отделения выходят прямо на морг. Пусть я не работаю там, но вижу его каждый божий день.

Сегодня мое очередное ночное дежурство.

Часы над постом показывали половину четвертого утра. Самое тяжелое время, когда сон наваливается свинцовой тяжестью, но я не позволяла себе закрыть глаза. В полумраке

поста кардиологии мой взгляд привычно скользил по экранам центрального пульта. В тусклом свете ламп дежурного освещения ритмично пульсировали зеленые линии на мониторах — ровные, предсказуемые зубцы чужих жизней. Я знала каждый из них наизусть.

Тишину отделения нарушали лишь два звука. Совсем рядом, на посту, монотонно и низко гудел холодильник с лекарствами, бережно храня ампулы с растворами. А за тонкой стеной палаты интенсивной терапии, в такт этому гудению, раздавалось тяжелое, прерывистое дыхание больного.

Я попыталась шевельнуться, и тело тут же отозвалось глухой усталостью. Ноги в резиновых медицинских сабо неприятно затекли за долгие часы на ногах, а плотная медицинская маска, которую по правилам нельзя было снимать, уже несколько часов давила на переносицу и натирала кожу за ушами. Я аккуратно поправила лямку маски кончиками пальцев и тихонько вздохнула. До пересменки оставалось еще четыре часа, и эти четыре часа отделение держалось только на моих хрупких плечах.

Я протянула руку к картонному стаканчику. Кофе, заваренный еще в полночь, уже совсем остыл, покрывшись едва заметной глянцевой пленкой, но мне был нужен хотя бы глоток горькой жидкости, чтобы разогнать ночную ломоту в теле. Я сделала глоток, поморщилась и повернулась к большому окну в конце коридора.

За стеклом царила глухая, непроглядная темень, разреза-

емая лишь одним тусклым уличным фонарем. В его желтоватом, болезненном свете отчетливо проступали серые контуры невысокого здания. Блок морга.

Я грустно усмехнулась про себя, прижавшись лбом к прохладному стеклу. Какая злая и точная ирония. Всего пару лет назад я до хрипоты спорила с родителями, доказывая, что мое призвание — патологическая анатомия. Я мечтала разгадывать тайны человеческого тела, когда уже поздно что-то исправить, искать истину там, где нет места эмоциям. Но роковые четыре балла на экзаменах отрезали путь в медицинский институт, оставив лишь диплом колледжа и место медсестры в кардиологии. И теперь каждый божий день — и каждую ночь — окна моего отделения, где за жизнь людей боролись до последнего стука сердца, смотрели прямо на финал любого из этих боев.

Я не успела додумать эту мысль. За спиной, нарушая монотонное гудение холодильника, резко, натужно и панически заверещал зуммер монитора из палаты интенсивной терапии. Зеленая линия на центральном пульте, секунду назад бывшая ровной, сорвалась в хаотичный, безумный танец. Фибрилляция.

Я бросила стаканчик. Остывший кофе плеснул на стол, но я этого даже не заметила. Забыв про затекшие ноги и давящую маску, я рванулась по коридору, на ходу срывая с держателя реанимационный набор. Хрупкая девушка в медицинских сабо исчезла — остался профессионал, готовый отбить

человека у того самого серого здания за окном.

Распахнув плечом тяжелую дверь палаты, я мгновенно оценила ситуацию. На койке у окна хрипел и синел мужчина лет шестидесяти — Петр Михайлович, которого перевели к нам только вчера после тяжелого инфаркта. Его грудная клетка судорожно вздымалась, а на мониторе над головой бесновалась ломаная линия. Время пошло на секунды.

Дежурный врач ушел на экстренный вызов в приемный покой тремя этажами ниже, и звать его сейчас было бесполезно — пока приедет лифт, все будет кончено. Я осталась один на один со смертью.

На выходных, которые я стараюсь брать все реже, словно убегая от собственной жизни, я помогаю маме в ее отделе товаров для животных. Но и это не спасает меня от возвращения домой.

Я сама, не отдавая себе отчета, выдумывала все что угодно, любое дело или работу, лишь бы не возвращаться обратно в свою квартиру, где абсолютно все напоминало о бывшем муже. Вообще, отношения с мужчинами у меня никогда не складывались — будто что-то невидимое, незримо сильное раз за разом разъединяло меня с очередным ухажером.

Но выйти замуж я все же умудрилась. Его зовут Женя.

Мы жили в моей двушке. Еще до того как съехаться, я сразу поставила условие, что жить будем у меня — у мужа не было собственного жилья, и он легко согласился. Я бы ни за что не смогла переехать в другой дом. Как мне кажется,

моя квартира — это моя крепость. Каждый ее уголок отделан практически моими руками, с любовью и максимальным комфортом для меня.

А теперь меня не покидает гнетущее чувство, что я предала свое личное пространство, впуслав туда не того человека. Из-за него мой любимый тихий оазис превратился в невыносимую клетку развода.

Женя — добрый, семейный парень. На него всегда можно было положиться, он был верным и настоящим другом.

Мы познакомились еще в школе, он учился на два класса старше. Как-то у нас проходили соревнования по физической культуре — «Веселые старты». Женя всегда отличался спортивным рвением, серьезно занимался боксом, про таких обычно говорят «живчик». Честно говоря, я была совсем не из их числа, но физрук заставил участвовать, всю грозя тройкой в четверти. И вот я бегу из-под палки по стадиону и на ровном месте подворачиваю ногу. Испуг и дикий страх от того, что на глазах у всей школы я рухнула как бетонная колонна, буквально парализовали меня.

Женя подбежал ко мне самым первым. Он бережно отнес меня на руках до медпункта, а затем вызвался сопроводить до травмпункта, когда приехала скорая. Вот так мы и сдружились, а затем эта дружба переросла в робкую школьную симпатию.

Женя мечтал стать полицейским. Он с такой страстью в глазах фантазировал, как поступит в следственный универ-

ситет после школы, как будет бережно гладить форму, как станет собираться на службу... Он искренне горел своим делом. И он добился своего — стал полицейским.

После того как он окончил школу и поступил, я, в свою очередь, ушла после девятого класса в медицинский колледж. Разные учебные заведения, новые друзья, да и в целом совершенно разный ритм жизни — мы постепенно отделились друг от друга, а затем наше общение и вовсе сошло на нет. Мы продолжали жить в паре домов друг от друга, но не виделись несколько лет.

До одного осеннего вечера. Я возвращалась от своей единственной и лучшей подруги Лены, вышла на автобусной остановке, а там — Женя. Мы разговорились. Оба были безумно рады этой встрече и принялись взахлеб делиться новостями. Теперь это был не тот мальчик из школы — передо мной стоял взрослый старший лейтенант, по-прежнему горящий своей профессией. Я безумно гордилась им, а он уверенно шел по карьерной лестнице вперед.

Старая школьная влюбленность с новой силой проснулась в сердце Жени. А я... не знаю, любила ли я его тогда. Определенно, я испытывала к нему сильные чувства, но была ли это та самая любовь, которая должна существовать между мужчиной и женщиной? Вряд ли. Но вокруг меня совершенно не было других ухажеров. Я будто вообще никогда никому не нравилась — дальше пары ни к чему не обязывающих свиданий отношения просто не заходили. И я подумала: ну

а почему бы и нет? Нужно попробовать, дать шанс и себе, и ему.

Пышную свадьбу мы закатывать не стали — скромно расписались в ЗАГСе и тихо поужинали в ресторанчике с самыми близкими и родными людьми.

Но сразу после свадьбы Женю словно подменили. Его некогда добрые серые глаза стали стеклянными, пугающе холодными. Казалось, в него вселялась какая-то злая, чужеродная сущность, желающая мне одних лишь бед. Ссоры вспыхивали на абсолютно пустом месте. Скандал мгновенно разгорался, как сухой огонь под палящим солнцем. Из-за чего мы ругались? Да я сейчас не смогу привести ни одной логичной причины. Мы просто, как кошка с собакой, яростно сцеплялись каждый вечер, стоило обоим прийти с работы.

Мы ругались, расставались, но стоило разъехаться — Женя снова становился прежним собой и отчаянно пытался все вернуть. Его добрый взгляд снова проникал в мое жалостливое сердце, и я покорно верила, решая дать нам еще один шанс. К тому же мне было до ужаса страшно признаться родителям, что я хочу развестись. Мама с папой всегда были для меня эталоном брачной жизни, они с самого детства внушали мне, что брак должен быть один и навсегда. Да и Женю они очень полюбили...

Мы съезжались опять и опять, снова и снова, двигаясь по этому замкнутому кругу, пока внутри меня окончательно что-то не надломилось.

В один из вечеров, после тяжелейшей смены в больнице, провернув ключ в замочной скважине, я уже с порога физически ощутила звенящее напряжение в воздухе. Тихо разувшись, я вошла в гостиную и замерла. На полу посреди комнаты сидел Женя со стеклянным, невидящим взглядом.

Костяшки его пальцев были сбиты в кровь, а вокруг валялись разбитые стекла от рамок с нашими свадебными фотографиями. Я огляделась и увидела разорванный в клочья фотоальбом со всеми остальными нашими снимками.

— Жень, что произошло? — едва слышно выговорила я.

— Рин, я не знаю... Все как в бреду, — он поднял на меня полные муки глаза.

— Я вдруг почувствовал такую слепую ненависть, такой дикий гнев... Наш брак просто сводит меня с ума. Я так больше не могу! — словно раненый зверь, проорал Женя.

— И я не могу, Женечка... Я тоже так больше не могу, — со слезами прошептала я, бессильно сползая по стене на пол.

— Нам нужно расстаться. Навсегда, — словно смертный приговор, отрезала я.

— Навсегда, — с глухой болью принял мой приговор Женя.

Вот так я и осталась одна, с ужасным, отрезвляющим пониманием того, что выбрала не своего человека. Я совершила глупость, выйдя замуж и впустив его в свой дом. Мое некогда счастливое девичье пространство теперь казалось оскверненным черной руганью и битой посудой.

В тот тяжелый период я могла открыться только Лене — вывернуть перед ней душу наизнанку. Именно она и вытащила меня из удушающей пучины самобичевания. Лена стала моим Ноевым ковчегом. В ее теплых дружеских объятиях и искренних разговорах по душам я шаг за шагом вылечила свою израненную душу.

В делах развода главное — и правда вовремя вылечить, а не просто залечить, чтобы потом не тащить за собой через всю жизнь глухую обиду и вину за то, что у вас ничего не получилось.

Глава 2. Суженый из колоды

Наконец я вернулась с ночной смены. Мне казалось, что мое тело до сих пор колотит от мощного выброса адреналина. Прокрутив в голове еще раз события безумного дежурства, я искренне поблагодарила Бога за Его помощь и за то, что я оказалась на своем месте. Стоило преодолеть все тяготы учебы, пережить неудачу с поступлением в институт, а затем годами нарабатывать тяжелый опыт в отделении, чтобы хотя бы раз в жизни вот так — в одиночку — спасти кому-то жизнь.

Наконец-то я налила себе кофе. Но на этот раз горячий, на миндальном молоке. Выпить чашечку кофе на собственной кухне всегда было для меня некой священной медитацией. Так я расслаблялась, уходила на пять минут в сторону, чтобы просто пожить для себя. Время останавливалось, я делала выдох.

Затем был долгий горячий душ, после которого я упала замертво в объятия Морфея. Проспала весь день, а очнувшись, машинально глянула на часы — пять вечера.

Сегодня пятница, и мы с Ленкой договорились встретиться у меня: заказать еду, выпить вина и просто поболтать. Я обожаю принимать гостей, покупать красивые скатерти, салфетки, изящные салатницы... Мне нравится видеть искренний восторг в глазах близких от моей сервировки, по-

лучать похвалу за продуманный интерьер. Я эстет до кончиков пальцев.

Люблю, чтобы все вокруг дышало гармонией, чтобы каждая мелочь радовала глаз и создавала особую магию момента. Для меня домашний прием — это настоящее искусство. В этом стремлении к совершенству я находила свой покой и вдохновение после тяжелых смен в больнице. Там, в кардиологии, мир состоит из строгих линий мониторов и резких звуков, а здесь я могу сама творить красоту.

Правда, сегодня, после изнурительного дежурства и спасенной жизни Петра Михайловича, сил на кулинарные шедевры совсем не осталось. Стоять у плиты было некогда, да и физически невозможно — ноги до сих пор гудели. Поэтому я пошла на маленькую хитрость: заказала из нашего любимого ресторанчика на углу сочное горячее и пару пикантных салатов.

Зато сервировку я никому бы не доверила. Пока курьер был в пути, я сама аккуратно, тонкими ломтиками нарезала ассорти из выдержанных сыров, красиво разложила на деревянной менажнице сочный виноград, инжир и орехи. Достала бутылку хорошего сухого красного вина, чтобы оно успело подышать и раскрыть свой аромат до прихода гостей.

Я украсила стол, расстелила новую льняную скатерть глубокого хвойного оттенка, которая идеально подчеркивала белизну фарфоровых тарелок. Переложила ресторанный еду в свои хрустальные салатницы — в их гранях красиво пре-

ломлялся мягкий вечерний свет.

А на середину стола поставила в изящную вазу пышный, немного растрепанный букет. Его я купила этим утром у милой бабушки возле метро. Она бережно вырастила эти цветы в своем саду, и от них до сих пор веяло утренней прохладой, живой землей и настоящим, искренним теплом. Этот букет стал главным украшением вечера, связав воедино всю композицию. Рядом я зажгла тонкие свечи. Все было готово.

Я налила себе немного вина, сделала первый глоток и замерла в ожидании подруги. Нам столько нужно было обсудить! И ровно в этот момент в коридоре оглушительно и радостно позвонили в дверь.

— А вот и я! — в дверном проеме весело показалась подруга. — Так, держи, это тебе!

Лена всучила мне коробку с тортом — она никогда не приходила с пустыми руками.

— А это — на случай, если девочкам станет совсем скучно... — и из-за спины Лена заговорщически протянула бутылочку шампанского и новенькую колоду карт Таро.

— Лен, ну шампанское я понимаю, а это еще что? — хихикнула я, небрежно рассматривая глянцевую картонную коробочку. На ней красовалось название: «Любовное Таро».

— Я задумала маленькую шалость: заказала на маркетплейсе обычную колоду всего за триста рублей. Сейчас модно ими баловаться. Видишь, Таро любовное! Как раз для нас, ведь сердечный вопрос у нас обеих пока остается открытым,

— весело проговорила Лена, разуваясь и вешая куртку.

— Я медик, Лена, медик! — с иронией и невинной издевкой отозвалась я. — Я не верю в эту чушь. Давай еще «Битву экстрасенсов» включим?

— «Битва» не идет по пятницам, иначе я бы к тебе не пришла! — смешливо парировала подруга, и мы прошли на кухню.

Вечер проходил шумно и весело. Едва Лена переступила порог кухни и восторженно ахнула при виде стола, вся моя больничная усталость окончательно испарилась. Мы устроились в уютных креслах, и комната мгновенно наполнилась нашим звонким смехом, звоном хрустальных бокалов и уютным потрескиванием свечей.

Мы хохотали до слез, вспоминая наши нелепые студенческие приключения. Кстати, Лена тоже работала в медицине, но ее путем оказалась педиатрия. Мы обсуждали буквально все на свете: от глупых трендов в соцсетях до серьезных планов на жизнь. Лена, активно жестикулируя, рассказывала какую-то уморительную историю со своей работы, то и дело отправляя в рот ломтики сыра с инжиром, а я ловила себя на мысли, как сильно мне этого не хватало.

Временами мы затихали, вдыхая тонкий аромат садовых цветов из вазы, а потом снова взрывались хохотом от очередной шутки. Ледяное вино приятно расслабляло, ресторанные салаты оказались божественными, но главным в этот вечер было именно это ощущение тепла, искренности и аб-

солютной свободы от всех забот.

— Ну что, а теперь десерт! — игриво крикнула Лена, заговорщически подмигнув и кивнув на кухонную столешницу, где лежала принесенная колода.

Для меня это было лишь забавой, красивым развлечением для девичьих посиделок. Не верилось, что в этих пестрых картонных картинках может быть скрыто что-то по-настоящему серьезное. Но любая девичья душа любит хоть краем глаза прикоснуться к волшебному миру, приоткрывающему завесу будущего. Особенно сейчас, когда по венам разлилось тепло от расслабляющего вина, а свечи на столе начали оплывать, отбрасывая на хвойную скатерть длинные, причудливые тени.

К колоде шла толстая глянцевая инструкция с подробным описанием раскладов. Не нужно быть специалистом — просто игра, забавный способ скоротать остаток вечера. После очередного бокала я принесла колоду к столу. Откинувшись на спинку кресла, принялась неторопливо листать книжку-руководство.

В инструкции мы нашли знаменитый расклад «Кельтский крест» на десять карт: ситуация, развитие, истоки, скрытые влияния... От одних только названий позиций веяло скукой.

— Ой, Лен, ну скукотища! — перебила я подругу, когда та попыталась вслух зачитать правила. — Давай к сути. Просто задаем вопрос и вытаскиваем по одной карте. К чему эти сложности?

Лена весело хихикнула, поудобнее перехватила свой бокал и начала первой. Конечно же, вопросы были самыми классическими: встретит ли она любовь в этом году? Каким будет суженый? Мы то и дело ныряли в инструкцию, утыкаясь носами в мелкий шрифт и пытаясь расшифровать загадочные переплетения тузов, жезлов и мечей. Получалось путано и забавно.

— Ну, как я и говорила, ерунда все это, — заключила я со смешком, видя, что из описания книжки ничего понятного и связного не выходит.

— Да уж, сплошные ребусы, ничего не ясно, — согласилась Лена, шутливо толкнув меня локтем. — Теперь ты! Твоя очередь! Давай, не отлынивай.

Я со скептицизмом закатила глаза, но послушно взяла карты в руки. Чуть прикрыв веки, вслух сформулировала самый банальный вопрос, который только мог прийти в голову одинокой девушке: «Кто мой суженый?»

Пальцы начали привычно тасовать плотный картон. В тишине кухни слышался лишь мягкий, шелестящий звук скользящих карт. И вдруг, прямо посреди движения, одна карта словно сама выпрыгнула из колоды. Она изящно перевернулась в воздухе и плашмя улеглась на стол прямо перед нами, рубашкой вверх.

Не придав этому никакого значения, я посчитала это обычной неуклюжестью и уже протянула руку, чтобы вернуть беглянку обратно в стопку, но Ленка азартно вскрикну-

ла, перехватив мое запястье:

— Стой, не трогай! Она сама выпала! Ну, открывай, что там за карта?

Я усмехнулась ее настойчивости, коснулась пальцами прохладного картона и легким движением перевернула карту.

Смех в ту же секунду застрял у меня в горле. Вся веселая атмосфера девичника в один миг испарилась, уступив место странной, звенящей тишине. С яркой картинки на меня смотрел невероятно красивый, пугающе идеальный мужчина. Его глубокие синие глаза сверкали, словно чистые льдинки на ярком зимнем солнце, а безупречные белокурые локоны мягкими волнами спускались на бледное, словно выточенное из тончайшего фарфора лицо.

Он обладал магнетической, почти порочной привлекательностью. Но больше всего пугала его улыбка — тонкая, ехидная, торжествующая. Она словно пронзила мое сердце внезапной ледяной дрожью, заставив все тело покрыться мурашками.

Я перетасовала колоду. Снова мысленный вопрос: «Кто мой суженый?». Достая карту — и холодный пот мгновенно прошибает меня с головы до ног. Снова «Дьявол».

Я порывисто забрала карту со стола, засунула ее в самую середину колоды и принялась судорожно, почти агрессивно перемешивать плотный картон. Пальцы едва слушались, стали тяжелыми. В голове настойчиво и гулко застучал пульс,

подозрительно напоминая панический зуммер того самого кардиомонитора из реанимации.

Я глубоко вздохнула, пытаясь вернуть контроль над ситуацией. Снова задала мысленный вопрос: «Кто мой суженый?». Зажмурилась, наугад вытянула карту из самого центра и резко перевернула ее.

Воздух застрял в легких. Со стола на меня снова смотрели те же самые пронзительные синие глаза-льдинки. Снова «Дьявол». Безупречное фарфоровое лицо и эта ехидная, пленительная улыбка, которая теперь казалась откровенной издевкой.

Лена испуганно вскрикнула и отшатнулась, едва не опрокинув бокал. Вино в хрустале пошло мелкой рябью. Трясущимися руками я начала тасовать колоду снова и снова, двигаясь словно в трансовом состоянии.

И вдруг пространство вокруг нас будто завибрировало. Все привычные звуки города за окном разом исчезли. Наступила мертвая, звенящая тишина, которую нарушал лишь нарастающий гул, шедший откуда-то снизу, из-под пола. Хрустальные салатницы на хвойной скатерти мелко задрожали, жалобно зазвенев и сталкиваясь боками. Самое настоящее маленькое землетрясение началось прямо на моей уютной кухне. А свечи на столе вдруг вспыхнули ярким, неестественно зеленым пламенем.

— Кто мой суженый?! — почти закричала я, окончательно теряя рассудок от липкого, первобытного ужаса.

Я со всей силы швырнула на стол очередную карту. Снова «Дьявол»!

Охваченная дикой паникой, я схватила всю колоду целиком и начала истерически, веером выбрасывать карты одну за другой, заполняя ими все пространство стола. Одна, вторая, третья, десятая... Они летели на пол, падали в тарелки, закрывали собой остатки нашего ужина. И на каждой, абсолютно на каждой из них было одно и то же лицо! Все семьдесят восемь карт в колоде превратились в «Дьявола»! Десятки пар синих обжигающих глаз смотрели на меня со всех сторон, а их фарфоровые лица, казалось, начали едва заметно шевелиться, беззвучно вторя моему крику.

Стены кухни начали стремительно сужаться, сдавливая комнату в тиски. Потолок стал опускаться, грозя раздавить нас. Мне резко стало нечем дышать, легкие сковал ледяной спазм, а сердце — то самое сердце, которое я так хорошо умела спасать у других — сейчас бешено колотилось в самом горле, готовое вот-вот разорваться на части. Мир вокруг покачнулся, смазался и окончательно утонул в ледяной, непроглядной темноте.

Я очнулась утром в своей постели. Яркое солнце всюду пробивалось сквозь плотные шторы, заливая комнату мирным светом. Вокруг было так тихо, тепло и спокойно, что я облегченно выдохнула, подумав: «Ну и кошмар же мне приснился! Видимо, мы вчера знатно перебрали с вином».

Потянувшись всем телом, я решила подремать еще ми-

нут пятнадцать перед ленивым выходным днем и машинально сунула руку под подушку. Кончики пальцев внезапно нащупали что-то картонное. Напрягшись, я медленно достала предмет на свет, и в ту же секунду меня до костей пронзил дикий, леденящий ужас.

На меня снова смотрели те же самые пронзительные синие глаза. Это была она. Карта «Дьявол».

Глава 3. Сын Зари

Прошло полгода.

Сегодня моя смена, и пациентов в отделении очень много — кручусь как белка в колесе. Кислородотерапия, контроль давления, инъекции, капельницы... Я катила по длинному коридору тяжелую металлическую тележку с медикаментами, которая на поворотах глухо погромыхивала десятками стеклянных флаконов.

В палате интенсивной терапии со свистом и шипением работали маски кислородотерапии, наполняя воздух специфическим влажным шумом. Мои движения были доведены до автоматизма: точным, выверенным жестом я перекрывала клапан капельницы, быстрым щелчком снимала пустой флакон физраствора и тут же вешала новый, аккуратно проверяя скорость падения прозрачных капель в пластиковой колбе. Быстро протереть кожу спиртовой салфеткой, ввести инъекцию, зафиксировать пластырь — секунды складывались в минуты, минуты — в часы.

Но психологическая поддержка для кардиологических больных важна не меньше, чем лекарства. Многие здесь ждут сложнейших операций, и я изо всех сил стараюсь настроить их на победу над болезнью.

В четвертой палате на краю койки сидела Анна Петровна — хрупкая, седая бабушка, чьи пальцы судорожно переби-

рали край пододеяльника. Ее глаза были полны неподдельного, детского страха перед завтрашним шунтированием. Я подошла, мягко накрыла ее дрожащую, прохладную ладонь своими руками и тихо, но уверенно произнесла:

— Анна Петровна, посмотрите на меня. У нас лучший хирург в городе, у него золотые руки. Завтра вы просто уснете, а проснетесь уже со здоровым, сильным сердцем. Мы с вами еще по коридору наперегонки бегать будем, обещаете?

Бабушка шмыгнула носом, взглянула на меня, и в ее глазах впервые за день блеснула слабая, но теплая надежда. Моя сострадательная душа ликовала — ради этого взгляда стоило терпеть любые нагрузки.

Полдня пролетело совершенно незаметно. Старший медбрат буквально выпроводил меня на обед, строго заметив, что голодная медсестра — угроза для отделения. Если бы не он, я бы так и не ушла. Мои ноги в резиновых сабо снова налились свинцовой усталостью и глухо гудели, а в голове, перебивая все мысли о назначениях, пульсировала одна-единственная: «Мне жизненно необходим горячий суп».

В нашем комплексе в каждом корпусе есть буфет с чаем и булочками, но нормальная столовая — только в главном здании. Обычно я перебиваюсь пирожками на ходу, но сегодня организму требовалось что-то жидкое и согревающее. Чтобы не выходить на улицу, где моросил унылый дождь, и не тратить время на переодевание, я спустилась на цокольный этаж в подвальный коридор — наш «тайный» переход

для сотрудников.

Стоило тяжелой противопожарной двери захлопнуться за моей спиной, как мир живой и шумной кардиологии остался где-то далеко наверху. Этот переход всегда ощущался мной как путь через загадочное подземелье. Здесь было ощутимо прохладно, а воздух казался тяжелым, плотным и насквозь пропитанным густым шлейфом сырости, старых водопроводных труб и едкой больничной хлорки. На потолке тянулись бесконечные переплетения кабелей и толстых магистралей, укутанных в серую изоляцию. Под ними горели редкие, длинные люминесцентные лампы. Они монотонно, уныло и раздражающе гудели в глухой тишине подземелья, время от времени нервно подмигивая.

Мои шаги в медицинских сабо отскакивали от серых бетонных стен гулким, пугающим эхом, словно кто-то невидимый шел следом за мной шаг в шаг. Я шла совершенно одна по этому бесконечному, мрачному лабиринту. Несколько крутых поворотов, узкий коридор, скрипучий больничный лифт — и вот, наконец, подземный лабиринт выпустил меня наружу.

В столовой главного корпуса было шумно и людно. Пахло жареным луком, выпечкой и компотом. Взяв на поднос долгожданную тарелку дымящегося куриного супа и салат, я окинула усталым взглядом зал. Каждый столик был плотно занят, врачи и медсестры бурно что-то обсуждали, звенели столовые приборы. Я сделала шаг вперед, высматривая сво-

бодное место...

Мой взгляд зацепился за уединенный столик в самом углу зала, наполовину скрытый тенью от массивной раскидистой монстеры в громоздком горшке. Там сидел молодой мужчина в безупречно чистом белом халате нараспашку. Из-под него виднелась угольно-черная поплиновая рубашка с дорогой, матовой текстурой и небрежно расстегнутой верхней пуговицей.

Словно почувствовав мое замешательство, он медленно поднял голову. Мы встретились глазами, и он едва заметным, но повелительным движением подбородка пригласил меня присесть. Его взгляд буквально приковал меня к месту, заставив ноги сами пойти в угол зала.

— Добрый день. Вы не против? — спросила я, робко коснувшись края пластикового стула.

— Я ждал вас, присаживайтесь, — ответил он. Его голос, низкий, бархатный, с едва уловимой, гипнотической хрипотцой, казалось, вибрировал прямо у меня в груди.

— Ждали? — я удивленно моргнула, застыв с подносом в руках.

— То есть я всегда рад пообедать в компании столь прекрасной медсестры, Рината, — он тонко улыбнулся, и в уголках его губ промелькнула едва заметная, знакомая до дрожи ехидца.

Он непринужденно прочитал мое имя на ламинированном синем бейджике. Я тут же попыталась отыскать глазами

ответную карточку на его халате, но лацканы были абсолютно чисты — никакого бейджика не было.

— А как зовут вас? — поинтересовалась я, пристраивая тарелку с супом.

— Лель, — коротко произнес он, слегка наклонив голову набок. — Хейлель — мое полное имя. Необычно для здешних мест, верно? Хейлель бен-Шахар, что в переводе означает «Сияющий, сын зари». Моя мать была полна поэтического романтизма. Имя древнееврейское.

— Вы родом из Израиля? — спросила я, замороженная певучестью этих звуков.

— Давай на «ты», — он подался чуть вперед, сокращая дистанцию, и от него повеяло странным, дорогим ароматом с нотами ладана, горького полынного меда и зимней прохлады. — Я родился на утренней звезде, — загадочно улыбаясь, прошептал он, и в его голосе проскользнула пугающая, древняя глубина.

Я совершенно не поняла, что именно он имел в виду — списала это на странный юмор или эксцентричность. Но переспрашивать не стала. Окончательно забыв о супе, к которому так и не притронулась, я жадно рассматривала его.

Мягкие золотистые локоны идеальными волнами ниспадали на лицо, а невероятные синие глаза глубиной с ночной океан буквально светились изнутри каким-то неземным, ослепляющим блеском. Я никогда в жизни не видела черт лица совершеннее: прямой точеный нос, идеальная ли-

ния челюсти и эта бледная, словно полупрозрачная кожа. И имя... странное, экзотическое, но удивительно гармоничное для его порочной, магнетической красоты. В голове со свистом пронеслась мысль о той самой карте из Таро, но я силой заставила себя отмахнуться от этого бреда. Это просто совпадение. Живой человек не может быть персонажем из колоды.

Отодвинув от себя свой обед, к которому он за все время так и не притронулся, мужчина плавно поднялся с места. Его движения были грациозными, бесшумными, как у хищника.

— Что ж, мне пора. Был искренне рад нашему знакомству, Рината.

Лель протянул мне свою фарфоровую, безупречно гладкую руку. Слегка растерявшись, я вложила свою ладонь в его пальцы и едва не вскрикнула от неожиданности: его кожа была невероятно, мертвенно холодной. Но этот холод не оттолкнул, а напротив — жидким током прошиб мое предплечье и приятно, остро обжег ладонь адреналиновым всплеском. Пальцы у него были тонкие, длинные, с идеальной формой ногтей, будто созданные для игры на фортепиано. Или для анатомического ножа.

— Я работаю в корпусе морга, — добавил он, не выпуская моей руки и глядя прямо мне в душу.

— Буду рада увидеть вас снова! — выпалила я на одном дыхании, прежде чем успела включить здравый смысл.

«Дура, что я несу! Нашла место для свиданий!» — пани-

чески пронеслось в голове, а щеки мгновенно обдало жаром.

— Непременно, Рината, непременно... Мы обязательно увидимся, — тихо, почти интимно пообещал он.

Лель повернулся и пошел к выходу. Я смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри меня бешено колотится сердце. В меня словно вдохнули совершенно новую, бурлящую жизнь. Ноги больше не гудели, усталость от тяжелой смены растворилась без следа.

Я поймала свое отражение в темном стекле окна столовой: лихорадочный румянец и безумный блеск в глазах выдавали меня с потрохами. Кажется, я влюбилась.

Каждый божий день, едва дождавшись заветного часа обеда, я буквально летела по темному подвальному лабиринту в столовую главного корпуса, ведомая лишь одним желанием — снова увидеть его. И он всегда ждал меня за тем самым угловым столиком под сенью монстеры, неизменно безупречный, загадочный и притягательный.

За те короткие, украденные у больничной суеты минуты мы успевали поговорить, казалось, обо всем на свете. Лель с поразительной легкостью поддерживал самые глубокие, сложные темы, и в эти моменты меня пробирала дрожь — он рассуждал так, словно его мудрой душе были тысячи лет. Мы обсуждали медицину, экзистенциальную философию, классическую музыку, мировые религии...

Когда он говорил о Моцарте, его пальцы едва заметно перебирали воздух над столом, словно касались невидимых

клавиш, а в голосе звучала такая личная, щемящая тоска, будто Амадей писал свой бессмертный «Реквием» прямо при нем, в полумраке душевной венской комнаты. О Булгакове он рассуждал с легкой, понимающей полуулыбкой, с такими точными и тонкими нюансами, словно сам сидел на Патриарших прудах той роковой весной и лично нашептывал автору сюжетные линии для «Мастера и Маргариты». Я слушала его, открыв рот, напрочь забывая про остывающий обед.

— Рината, как ты относишься к древней мифологии? — игриво спросил он однажды, лениво вращая в тонких пальцах граненый стакан с водой, к которой, как обычно, даже не притронулся.

— Мне это очень интересно, — ответила я, подавшись вперед и заглядывая в его синие глаза-льдинки.

— В детстве зачитывалась легендами.

— Знаешь, не все то миф, что современные люди привыкли им считать, — он чуть сузил глаза, и в их глубине на секунду вспыхнул странный, обжигающий огонек.

— Скорее, многие вещи действительно происходили на этой Земле. Просто это было так невообразимо давно, что человечеству теперь слишком трудно в это поверить. Куда проще назвать это сказкой.

— Пожалуй, ты прав, — согласилась я, немного подумав.

— Из всего этого мне ближе всего библейская мифология. Я как-то читала, что до канонического Нового Завета существовали другие, более древние тексты...

— Книга Еноха, — перебил меня Лель, и его бархатный голос вдруг обрел странную, весомую жесткость.

— Загадочный, вычеркнутый церковью апокриф. Там очень подробно описано падение ангелов — Стражей, которые спустились на Землю, потому что пленились красотой человеческих дочерей и вступали с ними в греховную связь. Они принесли людям запретные знания: научили их магии, заклинаниям, астрологии, обработке металлов и искусству жестокой войны... Ты ведь что-нибудь знаешь о падших ангелах, Ри?

— Знаю только об одном — о Сатане.

В этот момент глаза Леля стали темными, словно океан накрыли грозовые тучи. Он посмотрел на меня в упор, и этот взгляд, казалось, проник под кожу, просвечивая мои мысли, как рентген.

— Что конкретно ты о нем знаешь? — тихо и осторожно спросил он.

— Ну... — я замялась, испугавшись такой резкой перемены в его настроении.

— Он был любимцем Бога и самым совершенным ангелом, но потом возгордился. Ослепленный собственным величием, он решил, что может быть равным Творцу и занять Его трон... И за это был навсегда низвергнут в бездну и наказан.

Лель молчал несколько секунд. Его идеальное фарфоровое лицо превратилось в застывшую, безжизненную маску, а

губы вытянулись в прямую, тонкую линию.

— Интересная тема, Рината, — наконец неестественно холодно произнес он, и этот холод буквально физически оттолкнул меня обратно на спинку стула.

— Но тебе уже пора возвращаться к своим пациентам. Время вышло.

Глава 4. Стеклянный шар и старые тени

Сегодня тридцать первое декабря. За окнами кружились редкие крупные хлопья, город застыл в предпраздничных сумерках, а в воздухе витал густой шлейф из аромата мандаринов и хвои. Грядет Новый год — черта, за которой, как мне казалось, должно начаться что-то совершенно новое. На этот праздник я возлагала огромные, почти отчаянные надежды. Все мои мысли, все девичьи мечты теперь без остатка принадлежали только ему. Лелю.

Правда, наше общение словно застряло на одном мертвом этапе: дальше получасовых разговоров за угловым столиком больничной столовой дело упорно не заходило. У меня не было даже банального номера его телефона, не говоря уже о соцсетях. Сам он не проявлял абсолютно никакой инициативы, чтобы перешагнуть порог больницы и продолжить наше знакомство в реальном мире. Конечно же, как и любая влюбленная до беспамятства девушка, в один из вечеров я кинулась искать его в социальных сетях. Но под таким именем не было ни одного человека.

При одной лишь мысли о нем мое сердце болезненно сжималось в груди. В голове то и дело всплывал его гипнотический взгляд: глубокий, пронзающий насквозь, скрываю-

щий в своей синеве какую-то древнюю, невероятную тайну. Перед каждой нашей встречей я как мантру повторяла себе: «Сегодня я пересилию свой страх. Обязательно спрошу его номер, поинтересуюсь планами на новогоднюю ночь». Но стоило мне сесть напротив и увидеть его совершенное фарфоровое лицо, как все слова испарялись. Меня словно окутывала нежная, сладкая и дурманящая дымка, которая напрочь лишала воли и мешала мыслить ясно. Я глупо улыбалась и забывала обо всем на свете, растворяясь в его бархатном голосе.

К счастью, тридцать первого числа мне выпал законный выходной. Весь день я провела за генеральной уборкой, пытаясь физическим трудом заглушить ноющую тоску. Бесконечные суматошные смены в кардиологии выжимали из меня все соки, и на домашний быт сил не оставалось месяцами. А еще в комод лежал подарок, который я приготовила для Леля. Совсем небольшой, почти пустяковый, но такой уютный: стеклянный новогодний шар, внутри которого притаился заснеженный сказочный домик с теплым светом в крошечных окошках. Стоило его слегка потрясти, и пушистые белые хлопья поднимались со дна, имитируя настоящий снегопад.

Я так мечтала вручить его ему лично... Но Лель не приходил в столовую на обед уже три дня. Три бесконечных дня его столик пустовал. Может, он взял отпуск? Или заболел? Точного графика его работы в морге я не знала, хотя раньше

мы каким-то загадочным, почти мистическим образом всегда совпадали по сменам.

Уборка продвигалась динамично под ритмичную музыку из колонок. Я свято верила в примету: в Новый год нужно входить с абсолютно чистыми мыслями и в идеально чистом пространстве. Наконец руки дошли до тумбы в коридоре, где годами копилось всякое барахло: старые брелоки, запасные ключи, губки для обуви, винтики, отвертки... Вывалив все это разношерстное содержимое полки на пол, я принялась за сортировку.

И вдруг среди груды мелочей мой взгляд наткнулся на картонную коробку. Та самая колода Таро. Колода, из-за которой у меня случилась сильнейшая, удушающая паническая атака.

Я до сих пор с трудом и неохотой вспоминала, что именно произошло в тот вечер. Лена потом со слезами на глазах рассказывала, что я внезапно побледнела и начала задыхаться, уставившись в пустоту. Она безумно испугалась, кое-как привела меня в чувства и уложила спать. Видимо, тогда же, решив немного разрядить обстановку и по-доброму подшутить надо мной, подруга подложила ту злополучную карту «Дьявол» мне под подушку, чтобы я нашла ее утром и поняла, что все это — лишь глупые картинки.

Я не стала ей ничего выговаривать. Наоборот, я была бесконечно благодарна за ее заботу. В конце концов, чего только не привидится уставшему больничному доку, когда сознание

помутнено крепким красным вином на голодный желудок.

Сейчас, глядя на пеструю рубашку карт, я почувствовала лишь глухое раздражение. Хватит с меня мистики и глупых суеверий. Решительным, безжалостным движением я схватила колоду и швырнула ее на самое дно черного мусорного пакета, прямо поверх старых обувных щеток и сломанных ключей. В свой новый мир я возьму только чистоту и реальность. Завязав пакет на тугий узел, я выставила его к двери.

До боя курантов оставалось всего несколько часов.

Глава 5. Поцелуй Сына Зари

Дома у родителей было невероятно светло, шумно и по-настоящему уютно. Стоило мне переступить порог, как на меня обрушились родные запахи, знакомые с самого детства: аромат запеченной с чесноком курицы, мандариновой цедры и свежей хвои от пушистой ели в углу гостиной. На кухне вовсю суежилась мама, то и дело поправляя праздничный фартук. Специально к моему приходу она приготовила свою фирменную селедку под шубой — нежную, воздушную, уложенную идеальными слоями в старинный хрустальный салатник.

Папа, напевая под нос мотив из новогоднего телешоу, сосредоточенно мазал сливочным маслом багет и аккуратно выкладывал сверху блестящие горки красной икры — все строго по классике, как из года в год. В этой привычной, бесконечно теплой атмосфере все мои тревоги последних дней наконец окончательно растворились.

Мы сели за стол, когда стрелки часов уже приближались к заветной отметке. По телевизору транслировали праздничные поздравления, папа с тихим хлопком открыл бутылку шампанского, разливая пенящуюся жидкость по высоким бокалам.

И вот — бой курантов. Каждый удар отзывался в моей груди трепетным, сладким волнением. Звон тонкого хруста-

ля, радостные объятия родителей и оглушительные, искренние крики: «Ура! С Новым годом!». Поднимая свой бокал, я загадала только одно желание, и им был он. Лель. Вот он — долгожданный порог новой, чистой жизни. Я чувствовала, что полностью готова к живому, к настоящему, к реальному человеческому счастью.

Обменявшись с родителями подарками, я начала собираться. Время поджимало, пора было бежать к девчонкам. Лена собирала всю нашу старую компанию у себя дома. Благо она живет совсем поблизости, буквально в паре кварталов от родителей, так что до ее дома можно было быстро пойти пешком, не вызывая в праздничный ажиотаж такси.

Крепко обняв маму и папу на прощание, я натянула теплую куртку, замотала шею мягким шарфом и вышла на улицу. Город встретил меня оглушительными залпами праздничных салютов, расцветающих в темном небе яркими огнями, и бодрящим морозным воздухом, который мгновенно заставил меня улыбнуться. Я ускорила шаг, весело шагая по хрустящему новогоднему снегу навстречу продолжению праздника.

Я шла по заснеженному тротуару, вдыхая морозный воздух и глядя, как в темном небе с оглушительным грохотом рассыпаются искры праздничных фейерверков. Вокруг царило хмельное новогоднее веселье, люди смеялись и поздравляли друг друга.

И тут я услышала любимый бархатный голос. Он оклик-

нул меня из полумрака аллеи, густо засаженной старыми тополями:

— Рината, с Новым годом!

Сердце ушло в пятки и, кажется, на секунду вообще перестало биться. Оборачиваюсь — Лель! Настоящий, живой, осязаемый, он стоял всего в паре шагов от меня.

Заметив мой ошарашенный, застывший взгляд, он тонко улыбнулся и опередил вопросы:

— Я узнал, где ты будешь в эту ночь.

— Как? — только и вымолвила я, чувствуя, как от удивления и внезапного счастья у меня перехватило дыхание.

— Пылающее сердце всегда укажет на виновника своего пожара, — тихо, бархатным голосом ответил он, и его синие глаза-льдинки блеснули под светом уличного фонаря.

Лель был в черном драповом пальто нараспашку. Изпод него виднелась идеально выглаженная черная рубашка, плотная ткань которой подчеркивала его широкие плечи. Было морозно, мокрые хлопья снега летели с нарастающей силой, но Лель, казалось, вообще не замечал холода. Крупные снежинки касались его плеч и тут же исчезали, сгорая, словно у костра.

— Ты не замерз? — спросила я, кутаясь в свой теплый шарф.

— Это ты замерзла. Я исправлю. Лель сделал уверенный шаг вперед, сокращая между нами расстояние, и мягко взял мои руки-ледышки в свои ладони. Но их лед буквально

обжог меня. Какой-то дикий, первобытный, яростный жар мгновенно окатил все мое тело, заставив кровь со свистом побежать по венам. Пропала ломота в пальцах, исчез зимний холод — внутри меня бушевало настоящее пламя. Как замороженная, я смотрела на него, не в силах отвести взгляд. Длинные, густые ресницы обрамляли его взгляд с поволокой — гипнотический, властный, подчиняющий себе мою волю без остатка.

В одно мгновение все пространство вокруг нас сузилось до размеров этого крошечного заснеженного пятка. Больше не существовало города, праздничных залпов, криков прохожих и далекого праздника у Лены — все это стерлось, превратившись в безжизненный шум. Существовали только мы двое во всей Вселенной.

Лель медленно, почти невесомо коснулся прохладной рукой моего лица, очертив пальцами линию щеки, и потянулся к моим губам.

Его губы, ледяные и манящие, коснулись моих. От этого прикосновения по спине пробежал электрический разряд, но страха больше не было. Это ощущалось удивительно правильным, так все и должно было быть с самого начала. Я закрыла глаза, окончательно отдавая себя в его власть.

Он был моим настоящим, моей истинной сутью. Тот самый код, который подошел к замку моей души. С ним я чувствовала себя не просто медсестрой Ринатой — я была в божественном саду. Он стал мостом между Небом и Землей,

по которому я наконец решила пойти. Горячий, тягучий источник его любви обещал не смерть, а перерождение.

Наш поцелуй прервал звонок телефона. Это была Лена.

— Алло... девочки, не ждите. Я не приду, — выдохнула я в трубку и сбросила вызов.

Это была особая ночь. Мы гуляли по городу, освещенному новогодними огнями, яркими гирляндами витрин и разноцветными вспышками праздничных огней, отражавшихся в хрустальном снегу. Шумные толпы людей, смех, музыка — все это казалось далеким, нереальным фоном, отделенным от нас невидимой стеной.

Мы просто держались за руки и читали мысли друг друга без слов. Мне не нужно было вслух признаваться, как сильно я скучала эти три дня, а ему — объяснять, почему он не приходил. В моей голове звучали его безмолвные, глубокие ответы. Мы шли в абсолютной гармонии, словно две детали одного сложного часового механизма.

— Рината, ты совсем замерзла, — сказал он наконец, когда мы свернули в тихий, скрытый от праздничной суеты переулок. Его бархатный голос выдернул меня из этого сладкого транса.

— Я провожу тебя до дома.

Я огляделась по сторонам, с удивлением узнавая знакомые очертания высоток. Время пролетело как одно мгновение, растворившись в его присутствии.

— Мы как раз подходим... — тихо произнесла я, чув-

ствуя, как внутри снова поднимается волна предновогодней тревоги. Я понимала, что сказка вот-вот закончится.

— Послушай, а где живешь ты? Как мне найти тебя? Мы даже телефонами не обменялись.

Лель остановился у арки моего двора. В тусклом желтом свете старого фонаря его фарфоровое лицо казалось неземным, а синие глаза-льдинки смотрели на меня с мягкой грустью.

— Если я в тебе не ошибся, ты сама однажды найдешь меня, — загадочно ответил он, и в его голосе прозвучало не то пророчество, не то вызов.

Я не успела возразить, спросить, что это значит, или потребовать нормальный телефонный номер. Лель снова потянулся к моим губам. Я покорно закрыла глаза, предвкушая тот самый обжигающий жар, который окутал меня на аллее, готовая снова раствориться в его ледяном и манящем поцелуе, но... ничего не произошло.

Прикосновения не последовало. Тишина вокруг стала оглушительной, исчез даже гул ветра. Открыв глаза, я увидела лишь пустоту.

Я стояла совершенно одна посреди заснеженного тротуара. В темноте двора не было никого, ни единого следа на свежем, только что выпавшем пушистом снегу, кроме моих собственных. Лишь где-то далеко, за крышами домов, с глухим рокотом рассыпались искрами праздничные салюты, окрашивая пустое ночное небо в багровые и зеленые тона.

Утро первого января выдалось ранним, серым и оглушительно тихим. За окнами в блеклом рассветном свете замерзавший после праздничной ночи город. Я проспала от силы пару часов, но этот сон не принес долгожданного облегчения — он был рваным и тяжелым. Страх больше никогда не увидеть его сковал мое тело, превратившись в осязаемый физический холод где-то под ребрами. Я сидела на кровати, обхватив колени руками, и неотрывно смотрела в пустоту, прокручивая в голове его призрачное исчезновение в темноте двора.

Внезапно эту мертвую тишину разрезал резкий, дребезжащий звонок домофона. От неожиданности я вздрогнула всем телом.

— Кто? — хрипло спросила я в трубку, чувствуя, как внутри бешено заколотилось сердце.

— Курьер, вам доставка цветов, — раздался сонный голос по ту сторону динамика.

Я щелкнула замком. Через пару минут на пороге показался парень в фирменной куртке. Огромная охапка темно-бордовых, почти черных роз была настолько тяжелой и массивной, что курьер едва внес ее в квартиру, бережно опустив на пол в коридоре. От цветов веяло сокрушительным, приторно-сладким ароматом, который в секунду заполнил всю прихожую, вытесняя привычный запах дома. Эти розы казались неестественно идеальными, а их бутоны отливали благородным бархатом.

— От кого это? — растерянно спросила я, судорожно сжимаемая пальцами ворот пижамы.

— Там есть открытка. Всего доброго, — парень коротко кивнул и поспешил к лифту.

Я осталась один на один с этим роскошным букетом. На ватных ногах я опустилась перед цветами на колени. В самой середине благоухающего, колючего великолепия, среди плотных темно-зеленых листьев, я увидела строгий черный конверт из плотной бумаги. От него исходил едва уловимый, знакомый до боли шлейф ладана и горького полынного меда.

Трясущимися руками я вскрыла конверт и достала карточку. То, что я увидела, поразило меня, словно удар молнии в ясный день. Глаза застлал туман, а дыхание перехватило.

Это была не просто открытка. Это была карта Таро из той самой колоды, которую я вчера собственными руками завязала в пластиковый пакет и выбросила в мусоропровод. На матовом картоне, в окружении зловещих готических символов, я узнала его лицо. Безупречные черты, золотые локоны, синие глаза-льдинки и эта манящая улыбка.

Это была карта «Дьявол».

Глава 6. Имя из бездны

Я застыла посреди прихожей, сжимая в дрожащих пальцах роковой кусок картона. Мысли хаотично сменяли друг друга, превращаясь в сплошной ментальный шум. Я не хотела признавать это, не хотела верить. Как такое может быть? Я медик, я не верю в потустороннее. Шутка ли это? Но Ленка вряд ли могла бы так подшутить — такой букет стоит кругленькую сумму, она бы не стала так тратиться ради простого розыгрыша.

В абсолютном отчаянии я бросилась в комнату, схватила со стола смартфон и снова открыла соцсети. Пальцы соскальзывали с экрана от волнения. Человека по имени Хейлель бен-Шахар просто не существовало. Ни в моем городе, ни в стране в целом. Я искала среди друзей у коллег, просматривала страницы нашей больницы, вглядывалась в тусклые групповые снимки с новогодних корпоративов — пусто. Администрация клиники, профсоюзные паблики, списки интернов — нигде не было ни единого упоминания о нем. Тогда я, затаив дыхание, вбила это имя в обычный поисковик.

Экран моргнул, выдавая миллионы ссылок на теологические форумы и академические словари. Строчки поплыли перед глазами:

-ок«Хейлель (ивр. הֵילֵל) — оригинальное имя на иврите, которое в христианской традиции стало известно как Люци-

фер. При переводе Библии на латынь слово „хейлель“ перевели как *lucifer* („светоносный“). Богословы трактуют это как описание падения высшего ангела, который из-за гордыни восстал против Бога и стал Сатаной».

От дикого, первобытного страха я выронила телефон. Гаджет с глухим стуком упал на ковер, но экран продолжал гореть, безжалостно подсвечивая страшные слова. Ладони покрылись ледяным потом. В ушах снова раздался тот самый монотонный, унылый гул люминесцентных ламп из подвального перехода больницы. Я перестала понимать, где миф, а где реальность. Тот загадочный, невероятно красивый мужчина — он и есть Дьявол?

Нет, этому обязано быть рациональное объяснение! Дьявол — это легенда, а Лель — человек из плоти и крови. Я видела его, слышала, чувствовала его тепло... В конце концов, я прикасалась к его руке, я помнила манящий, осязаемый холод его губ на своих губах в новогоднюю ночь. Безумный фанатик? Эксцентричный богач с психическими отклонениями, решивший разыграть медсестру? Жестокий манипулятор, узнавший о моем сне?

Мой разум требовал логики, но взгляд то и дело возвращался к бордовым розам и пятнадцатому аркану, лежащему на полу. Каждое совпадение — от взгляда-льдинки до его собственных слов про «утреннюю звезду» — теперь складывалось в одну кошмарную, но идеально точную мозаику.

Дни потянулись серой, изнурительной чередой, сливаясь

в сплошной кошмар наяву. Одна смена, вторая, третья — Леля в столовой не было. Каждый раз я спускалась туда с замиранием сердца, надеясь увидеть знакомый белый халат нараспашку и синие глаза-льдинки в дальнем углу под монстерой, но столик неизменно пустовал. С каждым днем неизвестность давила на меня все сильнее, выжигая изнутри остатки самообладания. После очередного разочарования я решила больше не ждать и отправилась напрямиком в корпус морга.

Я снова спустилась в тот самый подвальный лабиринт, но теперь шла не к главному корпусу, а по указателям в сторону патологоанатомического отделения. Серые бетонные стены, уныло гудящие люминесцентные лампы и резкий запах хлорки давили на сознание, но я упрямо шла вперед. Наконец, преодолев массивную пластиковую дверь, я оказалась в вестибюле морга. Здесь было стерильно чисто, прохладно и оглушительно тихо.

На стойке регистрации сидела серьезная девушка, внимательно перебирая файлы в больших пластиковых папках. Она выглядела абсолютно равнодушной к окружающему миру, привыкшей к специфике этого места.

— Здравствуйте. Подскажите, врач-патологоанатом Хейлель на месте? Сегодня его смена? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более буднично и профессионально.

— Извините, но у нас таких нет, — ответила она, не под-

нимая глаз от документов и монотонно перелистывая очередную страницу.

Эти слова прозвучали как смертный приговор моей последней надежде на рациональное объяснение. Внутри меня все похолодело.

— Как нет? Уволился? Посмотрите еще раз: Хейлель бен-Шахар! — мой голос сорвался почти на крик, эхом разнесшись по пустому мраморному холлу.

Регистратор вздрогнула от моей резкости и наконец оторвала взгляд от своих бумаг, посмотрев на меня с легким раздражением и недоумением.

— Девушка, такого сотрудника у нас никогда не было. Могу еще чем-то помочь? — повторила она ледяным, отстраненным тоном, ясно давая понять, что разговор окончен.

Словно в состоянии аффекта я вышла на улицу. Тяжелая дверь захлопнулась за моей спиной, и на меня обрушился резкий порыв зимнего ветра, но я его почти не почувствовала. Тело трясло, будто после удара током.

Реальность стремительно уходила у меня из-под ног, превращаясь в безумный хаос, где библейские мифы материализуются в больничных коридорах. Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони — только бы почувствовать физическую боль и не поддаться окончательной панике, не закричать посреди больничного двора.

Боль отрезвляла, но навязчивый, бархатный шепот в голове продолжал твердить его последние слова: «Ты сама од-

нажды найдешь меня...»

Глава 7. Зазеркалье

Я просто лежала тяжелым камнем на полу спальни и разглядывала ту самую карту. Холодный паркет слегка остужал разгоряченное лицо, но мысли в голове не переставали давить. Это был он. Мой Лель. С карты Таро на меня смотрели те же пронзительные синие глаза, та же манящая линия губ. Почему я не узнала его сразу? Но разве человек в здравом уме способен узнать кого-то по картинке на картонке за триста рублей? Бред... Полнейший, абсурдный бред, который, тем не менее, происходил со мной наяву, разрушая мою привычную реальность до самого основания.

В звенящей тишине запертой квартиры внезапно раздался звонок. Экран смартфона весело замигал именем лучшей подруги. Лена звала в гости. Она знала о моих переживаниях, хоть я и скрыла от нее подробности о Дьяволе, боясь, что она сочтет меня сумасшедшей и силой упрячет в психиатрическое отделение нашей же больницы.

— Риш, мы с девчонками и пиццей ждем тебя. Это не обсуждается! — безапелляционно заявила она в трубку не терпящим возражений тоном.

Я вздохнула, понимая, что она права. Все лучше, чем захлебываться неизвестностью в четырех стенах, медленно сходя с ума от шлейфа увядающих бордовых роз. Я надела первый попавшийся лонгслив, наспех завязала волосы в

небрежный узел и вызвала такси.

Дома у Лены было шумно, тепло и пахло базиликом от горячей коробки с пищей. Весь вечер я честно пыталась отвлечься, натянуто улыбалась чужим шуткам и кивала, но потухшие глаза выдавали меня с головой — я то и дело проваливалась в глубокую задумчивость, вспоминая мертвенно-холодные пальцы Леля.

Когда время близилось к полуночи, Лена вдруг вскочила со своего места, заставив хрустальные бокалы на журнальном столике испуганно звякнуть:

— Сегодня же Сочельник! Давайте гадать на суженого! Мне еще бабушка рассказывала как...

Девчонки с энтузиазмом согласились, мгновенно подхватив эту идею. Вокруг воцарилась таинственная, полумистическая атмосфера. Все засуетились в поисках свечей и зеркал. Лена решила устроить «коридор из зеркал». В ванной она зажгла пару свечей, выключила свет и объяснила правила: нужно встать спиной к большому зеркалу и смотреть в маленькое, призывая суженого.

Девчонки зашептались, переглядываясь с легкой боязливой дрожью, но внутри меня в этот момент что-то окончательно надломилось. Отчаяние, копившееся днями, сменилось глупой, яростной отвагой.

— Я первая! — резко бросила я, решительно шагнув вперед и закрыв за собой дверь до глухого щелчка замка.

Раз ты Сатана, то будь добр, покажись мне, Хейлель бен-

Шахар!

Я оказалась одна в тесной ванной. Тишина, только треск свечи, пламя которой испуганно дрожало от моего прерывистого дыхания. В правой руке — маленькое зеркальце, тяжелое и холодное. Отражения внутри выстроились в бесконечную, уходящую во тьму галерею.

Со злостью и безумной надеждой я прошептала в эту пустоту:

— Суженый-ряженный, приходи, покажись мне...

Ничего. Только пляшущие, изломанные тени на кафеле и мое собственное бледное лицо с темными кругами под глазами.

— Суженый-ряженный, приходи, покажись мне! — повторила я громче, вглядываясь в глубину зеркального лабиринта до рези в глазах.

Тишина. Никакого шороха, только собственное сердце колотилось в груди, как сумасшедшее.

Эта тишина показалась мне издевкой. Я собрала всю боль, что душила меня последние дни, всю эту невыносимую тоску по его синим глазам-льдинкам, и почти закричала в пустоту, напрочь забыв о девчонках за дверью:

— Я знаю, кто ты! Сын Зари, Лель, Дьявол... Имей смелость прийти! Ты не можешь просто оставить меня, будто ничего не было!

Свечи затрещали яростно, выдав всплеск ярких искр, и вмиг погасли, словно их задул невидимый ледяной порыв.

Комнату затопила кромешная тьма. И в эту самую секунду в маленьком зеркальце, прямо на границе угасающего света, на долю мгновения мелькнул знакомый идеальный силуэт.

— Лель?.. — едва слышно сорвалось с моих губ.

В ту же секунду из большого зеркала за моей спиной, прямо сквозь гладкую поверхность стекла, как через жидкую ртуть, высунулись две раскаленные руки. Они железной, мертвой хваткой впились в мои плечи, обжигая кожу сквозь тонкую ткань лонгслива, и резко, с сокрушительной силой утащили меня в холодную бездну зазеркалья...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.